

пару постылых свечей, испещренных
из еврейских подвешенных, из тѣхъ, ч
быть въ свѣтотѣхъ, освѣщать въ
дѣльную комнату.

На ушейко, жесткой постели лежи
Примавера. Лицо ея обращено къ стѣ
намъ распушеннымъ, тѣло, прижатое къ
станнымъ одеяламъ, согоргалось отъ бо
льных рыданій.

Подойдя къ ней, Сесиль опускается
козлинъ на мраморный полъ.

— Примавера! тихо оплакиваетъ онъ ее.

Она не выдыхаетъ, и только то, что в
на минуту перестаетъ всхлипать, по
зываетъ ему, что она слышитъ.

— Примавера!

Она ласково кладетъ руку ей на пл
чѣ. Она издаетъ вскрики и отстраняетъ
отъ себя.

На этотъ разъ онъ простишетъ безо
вѣстно опредѣнаго намеренія, а толи
ко неудержимо побужденію утѣшать

спори, покажи ей подвѣшенъ изъ ея
ушей. У него нѣтъ ни плана, на самомъ
предположеніи, онъ только хочетъ помо
чь въ то бы то ни стало. Самъ
замысливъ того, что дѣлаетъ, онъ обра
щеніемъ на ея сопротивленіе, онъ при
ближается ея къ своей груди, цѣлуя
волосы, ея добъ. Она дѣлаетъ еще од
слабую попытку противиться ему, пото
мъ истинно и безсознательно, и
и самъ онъ, обвиняетъ обвиняя руками
и шепчетъ и прѣчетъ лицо свое у него на груди
(Оконч. слѣд.)

